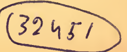

Колесо
сказки

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Колесо

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ И ЗАБАВНЫЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА
1967

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Составила И. Воробьёва
Под редакцией Г. Шторма

В этой книге вы прочтёте, ребята, сказки, в которых народ бичует смехом бар-белоручек, клеймит барскую жестокость, жадность, высмеивает стяжателей в рясах, и сказки, в которых он потешается над разинями, раззявами, трусами, пустыми мечтателями, а также над всеми теми, кто не умеет, как говорится, отличить белого от чёрного, не знает, что к чему.

Народ нередко прибегает к иносказаниям: часто героями его сказок являются звери и птицы, а порой — явления природы и неодушевлённые предметы. Но народные думы, народная сатира и юмор всегда понятны всем и каждому. И, конечно, каждый из вас, прочтя сказку «Курочка Татарушка», поймёт, что народ потешается в ней над теми, кто поднимает шум из-за пустяков, над паникёрами, что сказкой «Зимовье зверей» говорит нам: «В сплочённости — сила», а в сказке «Лисица и журавль» утверждает ту же народную мудрость, какая выражена в пословице «Как аукнется, так и откликнется».

Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок,—

сказал неспроста высоко ценивший смысл и толк наших сказок Александр Сергеевич Пушкин.

Рисунки А. Крылова

БАРИН-КУЗНЕЦ

Позавидовал один барин кузнецу: «Живёшь-живёшь, ещё когда-то урожай будет и денег дождёшься, а кузнец молотком постучал — и с деньгами. Дай кузницу заведу!»

Завёл барин кузницу; велел лакею мехи раздувать. Стоит ждёт заказчиков. Едет мимо мужик, шины заказать хочет на все четыре колеса.

— Эй, стой! Заезжай сюда! — крикнул барин.

Мужик подъехал.

— Чего тебе?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан[1].

— Ладно, сейчас, подожди!

— А сколько будет стоить?

— Полтораста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, возьму всего сто.

— Ладно.

Стал барин огонь раздувать, лакей — в мехи дуть. Взял барин железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет — ковал, ковал да и пережёг железо.

— Ну, — говорит, — мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок[2].

— Один так один, — согласился мужик.

Ковал, ковал барин и говорит:

— Не выйдет, мужичок, и один шинок, а выйдет ли, нет ли сошничок[3].

— Ну ладно, хоть сошничок, — отвечает мужик.

Постучал барин молотом, ещё железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничок, а выйдет ли, нет ли кочедычок[4].

— Ну, хоть кочедычок!

Только у барина и на него железа не хватило: всё пережёг.

— Ну, мужичок, — говорит барин, — не выйдет и кочедык!

Получился у барина один «пшик!»: сунул он в воду оставшийся кусочек раскалённого железа, оно и зашипело — «пшик!».

---

[1] На весь стан, станок — на все колёса.

[2] Шинок — здесь: шина, железный обруч на колесе.

[3] Сошник — наконечник сохи или плуга, подрезающий пласт земли.

[4] Кочедык — лапотное шило.

КАК БАРИН КОНЕЙ ВЫСИЖИВАЛ

Как-то раз у мужика удались тыквы на диво крупные — каждая по пуду. Повёз он тыквы на базар, а навстречу ему барин на тройке катит:

— Что это у тебя на возу, мужик?

— Разве не видишь? Яйца.

— Ну! — удивился барин. — Первый раз такие яйца встречаю. А что с ними делать?

— Как — что? Неужто не знаешь, что это яйца не простые, а земляные? Кто умело гнездо совьёт да не поленится, сам потрудится, может высидеть жеребят что ни есть самых лучших статей. Вырастут кони, каких в нашем краю и не видано.

А барин был завистливый. Как услышал мужиковы речи, захотелось ему во что бы то ни стало на таких конях ездить.

Торговаться не стал, купил тыквы и говорит:

— Я, мужичок, за деньгами не постою. Сделай милость, высиди мне хоть четвёрку коней!

— Нет, барин, у меня всё как-то болтуны выходят. Коли мог бы сам высидеть, повёз ли бы я эти яйца на базар? Гнездо свить помогу и как высиживать научу, а до дела сам доводи.

— Ладно, ладно, мужичок, дам тебе ещё сто рублей — только гнездо свей да научи, как высиживать.

На том и поладили. Воротился барин в усадьбу. А мужик с тыквами уже ждёт его там.

— Ну, веди, где станем гнездо вить, — торопит барин.

— Ты перво-наперво закажи, чтобы тебе харчи носили, потому как с гнезда три недели сходить никак нельзя. Как сойдёшь, всё дело испортишь.

Барин приказал, чтобы носили ему завтрак, обед и ужин. И пошли они.

— С гнезда три недели сходить никак нельзя. Как сойдёшь, всё дело испортишь.

Привёл его мужик в лес, выбрал дерево повыше и свил там большое гнездо. Потом помог барину влезть, усадил его в гнездо и ушёл.

Сидит барин день, другой и третий. Трудно ему, руки, ноги ломит, спать хочется смертельно. На четвёртый день совсем из сил выбился и крепко уснул. Во сне стал ворочаться и со всем гнездом — бах, трах наземь!

Вскочил и видит: земляные яйца раскатились и одно разбитое валяется.

А под деревом заяц лежал. Как упало гнездо, кинулся заяц бежать.

Заметил барин: скачет кто-то, а не разглядел, что заяц.

— Ох, что я наделал! На четвёртый день, а уж сколь резвый жеребёнок! Вот бы до срока высидеть, были бы кони!.. Надо будет того мужика разыскать — не поможет ли ещё разжиться земляными яйцами?

КЛИН ДА МОХ

Работал у одного барина плотник Иван. И работал не очень чисто. Вот приходит к нему раз барин и корит его:

— Иван, ты совсем плохо работаешь.

— Как, барин, плохо?

— Да видишь, какие щёлки у тебя большие.

Иван усмехнулся и говорит:

— Э-эй, барин! Придёт Клин, так всё замажет.

Барину интересно:

— Какой Клин? А скоро ли он придёт?

Иван ему и говорит:

— При вас, барин, не придёт Клин.

— А мне бы охота повидать его, Клина этого.

— Ну посиди, барин, может быть, подойдёт, и увидишь.

Ждал, ждал барин, а Клин всё не приходит. Где тут при барине заклинивать? Барин и говорит:

— Я пойду схожу, Иван, домой, может быть, не скоро он придёт.

Барин пошёл домой. Иван и начал дырки заделывать. Так заклинил, что никому не подкопаться.

Барин прибегает:

— Что, Клин был?

— Видишь, барин, что был: все дырки заклинил. Вы только, барин, ушли, и Клин пришёл.

— Эх, жалко, что не застал.

А Иван ему на то:

— Барин, — говорит, — если бы не клин да не мох, то плотник бы с голоду сдох. Вот мох закладывает да клин вбивает — вот оно чисто и выходит.

А барину всё невдомёк: что за клин, что за мох? Так ничего и не узнал.

ПРО НУЖДУ

Жил в деревне бедный мужичок. Вот однажды работает он в мороз в худенькой своей одежонке, дрова рубит — не нагреется; лицо его от мороза разгорается. Въезжает в деревню барин, остановился около мужика:

— В какую стужу ты рубишь!

— Эх, сударь, нужда рубит!

Барин изумился, спрашивает кучера:

— А что, кучер, какая это Нужда? Знаешь ли ты её?

— Я только сейчас, сударь, слышу.

Спрашивает барин мужика:

— Какая же это, мужичок, Нужда? Где она у тебя?

Мужик и говорит:

— А на что тебе, сударь?

— Да охота мне её поглядеть.

Видит мужик: в чистом поле на бугринке стоит былинка вся в снегу.

— А вот, — сказал мужик, — на бугре, сударь, Нужда стоит! Вон она как от ветру шатается, и никто не догадается!

Барин и говорит:

— Нет ли времечка тебе её нам указать?

— Пожалуй, можно, сударь.

Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле

Нужду глядеть. Выехали они на бугринку, проехали эту былинку, а другая-то былинка дальше стоит. И указывает мужик рукой:

— А вон, сударь, она в стороне — нам ехать нельзя: снег глубок.

— Покарауль-ка, — сказал барин, — лошадей, я схожу погляжу.

Барин слез и пошёл, а кучер-то говорит:

— Сударь, возьмите и меня: и мне охота поглядеть.

И полезли по снегу оба. Одну былинку пройдут, другую найдут, а ещё нужду не видят. А мужичок-то был не промах: выпряг лошадей, сел на одну, а других стегнул да и полетел. Только его и видели. Полазали по снегу два дурака, на дорожку вышли, к повозке подошли, а лошадушек след простыл. Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то нет, а повозку бросить жалко. Говорит барин кучеру:

— Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хоть в пристёжку.

Кучер говорит:

— Нет, вы, барин, поисправнее, немножко посильнее: вы — в корень, а я — в пристёжку.

Делать нечего, запрягся барин в корень. Везут да везут, повезут да станут. А мужик припрятал лошадей и пошёл навстречу.

— Что это вы, барин, повозку на себе везёте?

Барин сердито говорит:

— Уйди! Нужда везёт.

— Какая же это Нужда?

— Ступай в поле, вон там на бугре стоит!

А сам везёт да везёт. Приехал домой еле жив. Нужду увидел.

КАК МУЖИК С БАРИНОМ ОБЕДАЛ

В праздничный день сидят мужики на завалинке, ведут разговор о своих делах.

Подошёл к ним деревенский лавочник и стал похваляться: я то да сё, я вот и у барина в горнице бывал.

А самый бедный мужик сидит да посмеивается:

— Экое диво — у барина в горнице побывать! Да коли я захочу, так и пообедаю у барина.

— Чтобы ты да у барина пообедал — ни в жизнь не поверю! — кричит богатей.

— А вот пообедаю!

— Нет, не пообедаешь!

Дальше — больше, бедный мужик и говорит:

— Об заклад бьюсь, что пообедаю! Ставь вороного да карего, а коли не пообедаю с барином — три года у тебя отработаю за спасибо.

Обрадовался лавочник:

— Ставлю, ставлю вороного и карего да в придачу ещё и тёлку даю, при свидетелях говорю!

Ударили по рукам, при свидетелях дело было.

Пошёл бедняк к барину:

— Хочу твою милость по секрету спросить: что стоит такой слиток золота, как вот моя шапка?

Барин ничего не ответил. Хлопнул в ладоши:

— Живо подайте нам с мужичком выпить и закусить и обед подавайте. Садись, садись, не стесняйся, пей, ешь, чего душа пожелает.

Угостил барин бедняка, словно гостя дорогого, а сам дрожмя дрожит — охота золотой слиток к рукам прибрать:

— Ступай, мужичок, тащи сюда поскорее твой слиток, я тебе за него пуд муки дам да денег полтину.

— Да у меня и нет никакого золота. Я только спросил, сколько стоит такой слиток золота, как моя шапка.

Рассердился барин:

— Пошёл вон, дурак!

— Ну какой же я дурак, коли ты сам меня так употчевал, как самого дорогого гостя! Да ещё и с лавочника за этот обед пару коней да тёлку получу.

И пошёл мужик веселёхонек.

СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск и нанялся служить к скупому барину: в год за сто рублей. Помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести: не даёт ему отдыху ни на минутку, совсем измучил работой. Отслужил солдат и просит расчёта. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревёт.

— О чём, сударь, плачешь?

— Да денег жалко!

— Экой ты, барин! Ведь я тебе целый год прослужил. Если б ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал бы.

«Три дня немного», — думает барин. Пошёл советоваться с барыней.

Она говорит:

— Что ж, отслужи три дня!

А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему — не мне — плохо будет».

Барин согласился.

Солдат поужинал, лёг спать в сарае, разулся,

один сапог забросил в один угол, в сено, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит:

— Эй!

Помещик входит.

— Подавай сапоги, хочу одеваться!

Помещик хвать — сапог нету, и запорол горячку, спрашивает солдата:

— Где твои сапоги?

— Ах ты такой-сякой, ты у барина спрашиваешь, где сапоги? Верно, и не чистил их! — да хвать его по уху да по другому.

Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет.

— Подайте палок! — закричал солдат и давай дуть помещика. До того промял, что тот не рад и деньгам.

— Не хочу, — говорит, — тебе служить, возьми свои деньги!

КОЗА

Один мужик водил козу на торг, да не продал. Пошёл он домой, пришлось идти лесом. Идёт он лесом и видит: лежит мёртвый волк. Мужик подошёл к нему и думает: что делать?

В то время ехал поблизости барин. Увидал он козу и спрашивает мужика:

— Что ты тут делаешь?

— Да вот коза моя поймала волка, так я и думаю, что с ним делать.

Немножко и покраснел, что соврал.

— Вот это хорошая коза, что волков берёт. Продай её мне.

— А что вы, барин, дадите мне за неё? — спросил мужик.

— Да сто рублей дам.

— Ну, так давайте.

Взял барин козу, повёл её в лес и привязал длинной верёвкой к дубу.

Приходит волк и стал около козы, а она «ме-ке-ке» да и стоит.

Барин и говорит:

— Вот проклятая коза, одного ещё и не берёт!

Пришёл другой волк. А коза всё стоит да «ме-ке-ке».

Барин говорит:

— Вот коза! И двух не берёт!

барин был дома один, пришёл плотник и ещё раз поколотил его:

— Ну, барин, помни смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека!

Наутро барин поехал в город, увидел плотника и спрашивает:

— Мужичок, ведь ты вчерашний?

— Никак нет, мне сорок пять лет, какой же я вчерашний!

БАРИН И МУЖИК

Поехал старик в поле пахать и выпахал клад денег, много золота — целый воз. Привёз клад домой и спрятал его. А сам говорит жене:

— Старуха, никому не сказывай! — И начал он следить за старухой.

А старуха-то пошла к соседке и говорит:

— Соседка, старик клад нашёл, только ты никому не сказывай.

Старик услыхал, что она про клад рассказывает, и велел ей напечь пирогов и блинов. Утром, как встал, позвал старуху, сели они в телегу и поехали в поле. И пироги с блинами старик захватил. А старуху посадил задом наперёд. Раскидал он пироги по дороге. Старуха увидала и кричит:

— Старик, пирогов-то сколько!

А он говорит:

— Собирай, старуха, это туча пирожная.

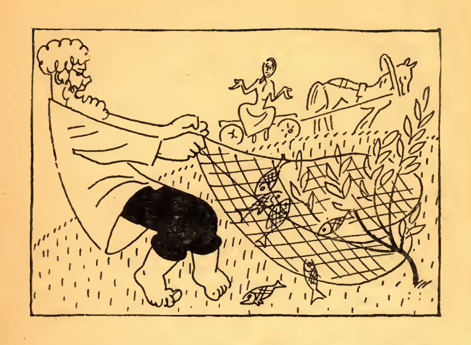
Старуха собрала и поклала всё в мешок.

Поехали дальше. А старик и блины раскидал.

Старуха кричит:

— Старик, а блинов-то сколько!

А старик говорит:

— Это туча выпала, старуха, блинная, собирай.

Старуха и блины собрала.

Поехали они лесом.

— Погоди, старуха, — говорит старик. — Я пойду погляжу: сеть тут у меня стоит.

Пошёл и принёс рыбу. До речки доехали. Старик пошёл и принёс оттуда капкан с зайцем.

День проработали. Вечером с поля поехали. Старик повёз старуху мимо барского дома. А у барина бал был. Старик и говорит:

— Вон как орут, видно, барина черти дерут.

Через несколько дней разнеслась молва и дошла до барина: старик деньги нашёл. Захотел барин этот клад отобрать. Призывает он старика и спрашивает:

— Ты, старик, клад нашёл?

— Какой, — говорит старик, — клад? Я никакого клада не знаю.

— Как — не знаешь? Твоя старуха говорит, что нашёл.

Призвали старуху. Стали её спрашивать:

— Ведь правда, бабушка?

Старик говорит:

— Нет, я никакого клада не знаю.

А старуха заверяет старика:

— Как — не нашёл? Нашёл ведь, старый. Помнишь, старик, когда мы с тобой поехали в поле, пирожная-то туча выпала?

— Не знаю, — говорит старик.

— Как — не знаешь? — уверяет старуха. — А блинная-то туча выпала? Забыл, старый?

Старик всё отказывается.

— А помнишь, — говорит она, — когда мы рыбу-то поймали в лесу, а капканом-то зайца в речке поймали?

— Не знаю, — твердит старик.

Старуха рассердилась:

— Как — не знаю? Помнишь, мы ехали мимо баринова двора, когда барина-то черти драли?

Рассердился тут барин и говорит:

— Выгнать её в шею!

Так у старика деньги и остались.

КАК МУЖИК БАРИНА ПРОУЧИЛ

Идёт барин по деревне, видит: крыша на одной избе к земле накренилась и поросла травой. Вошёл барин в избу и говорит мужику:

— Ты приходил ко мне корм для животины

одалживать, а он у тебя на крыше. Загони-ка на неё корову, пусть там попасётся.

Почесал мужик затылок, а потом пошёл во двор и сделал, как велел ему барин: погнал корову на крышу. Только дошла корова до середины крыши, как та под ней провалилась. Упала корова прямо на барина да так его придавила, что он еле-еле живым из-под неё выбрался.

БАРИН И ОХОТНИК

Жил барин и мужик-охотник. Барин этот постоянно о мужиках говаривал: «Ну, эти дураки». А мужик вторил ему: «Да, барин, мужики — дураки!»

Вот однажды едет в церковь барин, туда же — и этот охотник. Повстречались. Едет барин, а мужик идёт с коляской рядом и говорит:

— Барин, моя собака принесла щенят. Хорошие такие есть, громко лают, а есть — негромко лают. Но их у меня просят другие охотники.

А барин на то:

— Ты там для меня, Иван, оставь хороших охотничьих собачек.

Ну, вошли они в церковь и стали молиться богу, как барин, так и мужик. Помолясь, мужик ему говорит:

— Барин, а барин, а каких тебе собачек оставить — с громким голосом?

— С громким, с громким!

— А с каким голосом, покажи примерно.

Барин показал:

— Гав-гав!

Священник заметил, как барин стал лаять, и говорит:

— Выведите этого барина вон!

Мужики взяли его под руки и вывели.

А охотник спрашивает:

— Мужики — дураки?

Барин отвечает:

— Мужики — дураки, а я ещё глупее.

ЗАГАДКИ

Засевал мужик полянку близ большой дороги. На то время ехал царь, остановился против мужика и говорит:

— Бог в помощь, мужичок!

— Спасибо, добрый человек! (Он не знал, что это царь.)

— Много ли получаешь с этой полянки пользы? — спрашивает царь.

— Да при хорошем урожае рублей с восемьдесят будет.

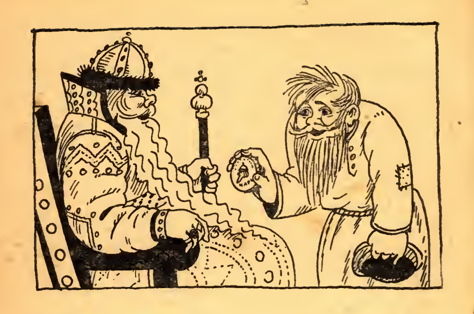
— Куда ж эти деньги деваешь?

— Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаймы даю да двадцать — за окно кидаю.

— Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому взаймы даёшь и зачем за окно кидаешь?

— Долг плачу — отца содержу, взаймы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю.

— Правда твоя! — сказал государь, дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и строго наказал — без его лица никому тех речей не

сказывать. — Кто бы ни спрашивал — никому не говори!

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов.

— Разгадайте, — говорит, — мне загадку. Видел я по дороге мужика — засевал поляну. Спросил у него, сколько он пользы получает и куда деньги девает. Мужичок мне отвечал: «При урожае восемьдесять рублей получаю: двадцать в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаймы даю да двадцать — за окно кидаю». Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою.

Бояре и генералы думали, думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал. Насыпал ему целую груду серебряных рублёвиков и просит:

— Объясни, растолкуй царскую загадку!

Мужик позарился на деньги, взял и объявил про всё боярину. А боярин воротился к царю и сейчас растолковал его загадку. Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя доставить. Мужик явился к царю и с самого перва́ сознался, что это он рассказал боярину.

— Ну, брат, пеняй на себя, я за такую провинность велю казнить тебя смертию!

— Ваше величество! Я ничем не виновен, потому — боярину рассказал я при вашем царском лице.

Тут вынул мужик из кармана серебряный рублёвик с царской персоной и показал государю.

— Правда твоя! — сказал государь. — Это моя персона. — Наградил щедро мужика и отпустил домой.

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Говорит поп в церкви дьякону:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдёт ли кто, не несёт ли чего?

— Старуха идёт, крынку масла несёт! — отвечает дьякон.

А дьячок поёт:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдёт ли кто, не несёт ли чего?

— Старуха идёт, ржи мешок несёт! — отвечал дьякон.

Дьячок опять поёт:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, нейдёт ли кто, не несёт ли чего?

— Идёт мужик, несёт дубину на поповскую спину! — отвечает дьякон.

Тут поп и дьячок как запоют:

— Тебе, господи!

ПОП И БАТРАК

Потребовался одному попу батрак. Но так как поп был очень скупой и всё искал, чтобы кто к нему пошёл как можно подешевле, то никто к нему не нанимался.

Вот раз приходит к нему мужик-шутник и просит сена для лошади.

А поп ему говорит:

— Ты такой здоровый, молодой, а ходишь собираешь. Наймись-ка, свет, ко мне в работники.

— Можно. А сколько дашь?

— Буду платить смотря по твоей работе.

И сказал мужику цену. А как был тогда сенокос, то поп накормил его и повёл в луга указывать свой покос. Работник осмотрелся, а когда поп ушёл, лёг на траву и проспал весь день до вечера.

Каждый день мужик-шутник ходил на покос, и поп всегда давал ему с собой хлеба и сала. И вот раз батрак говорит:

— Больше я у тебя работать не буду, давай мне расчёт. Траву я у тебя всю скосил до единой травинки.

Дал ему поп всего несколько копеек. Работник остался недоволен и говорит:

— Прибавь ещё хоть кусок сала.

Но поп ему отказал наотрез:

— Я и то тебе переплатил, дал больше обещанного.

— Ну, раз ты мне не дашь сала, — сказал работник, — так пусть вся твоя травонька обратно встанет как некошеная!

И уехал. А поп пошёл в луга, посмотрел и удивился:

«Этот батрак не простой, а колдун: в самом деле стоит трава как некошеная».

ГОРШЕНЯ

Едет Горшеня, дремлет. Вслед на тройке катит царь Иван Васильевич.

Догнал Горшеню:

— Мир по дороге!

Горшеня оглянулся:

— Спасибо.

— Знать, вздремнул?

— Вздремнул, великий государь. Не бойся того, кто песни поёт, а бойся того, кто дремлет.

— Экий ты смелый, Горшеня! Люблю таких... Ямщик, поезжай тише... А что, Горшенюшка, давно ли этим ремеслом кормишься?

— Смолоду, да вот и вполвека стал.

— Кормишь детей?

— Кормлю, царь-государь. И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьёт.

— Хорошо, Горшеня. Ну, а всё-таки на свете не без худа?

— На свете есть три худа, — отвечает Горшеня.

— А какие, Горшенюшка, три худа?

— Первое худо — худой сосед, второе худо — худая жена, а третье худо — худой разум.

— А скажи, Горшеня, — спрашивает царь, — которое худо всех хуже?

— От худого соседа можно уйти и от худой жены можно уйти, а от худого разума никуда не уйдёшь, всё с тобой.

— Верно, Горшеня! Ты молодец. Слушай. Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси, пёрышки ощиплешь, а по правильному[1] покинешь?[2]

— Годится, так покину, а то и наголо ощиплю.

— Ну, Горшеня, постой, я твою посуду погляжу.

Остановился Горшеня, стал раскладывать товар. Приглянулись царю глиняные горшки:

— Наделаешь мне этаких?

— Сколько понадобится, царь-государь?

— Да возов десяток надо.

— А сколько сроку даёшь?

— Месяц.

— Можно и через две недели представить в город товар. Я для тебя, а ты для меня.

— Спасибо, Горшенюшка.

— А ты, государь, где будешь в то время, как я товар привезу в город?

— Буду я в доме вот у такого-то купца в гостях. Запомни.

И уехал царь.

В городе он приказал, чтобы на всех пирах и угощеньях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы посуда только глиняная.

К тому времени Горшеня исполнил царский заказ и привёз товар в город.

---

[1] Правильные перья — крайние перья в крыле.
[2] Покинешь — здесь: оставишь

Горшеня песню запел, а боярин везёт да везёт.

Увидал глиняную посуду боярин и говорит:

— Продай, Горшеня, мне весь свой товар!

— Нельзя, по заказу.

— А что тебе! Коли задатка под работу не взял, никто винить не станет. Бери деньги!

Мнётся Горшеня... А у боярина глаза разгорелись. «Воз себе оставлю, а остальное продам втридорога. Теперь глиняную посуду с руками оторвут», — думает боярин.

— Ну что возьмёшь, Горшеня?

— А вот что: каждую посудину насыпать дополна деньгами.

— Полно, Горшенюшка! Много!

— Ну хорошо. Одну насыпать, а две отдать. Хочешь так? Дешевле не будет.

На том и сладили.

Насыпают да высыпают, насыпают да опять высыпают.

Сыпали, сыпали — денег у боярина не стало, а товару ещё много.

Боярин прикипел, глаз от посуды отвести не может:

— Как быть, Горшенюшка?

— Ну что? Нечего делать, уважу тебя. Коли свезёшь меня на себе вот до такого-то двора, отдам тебе и товар и все деньги.

Мялся, мялся боярин — жаль себя, а пуще того денег жаль, — и сладили.

Выпрягли коня, сел Горшеня в телегу; впрягся боярин и повёз.

Горшеня песню запел, а боярин везёт да везёт.

— До коих мест везти тебя?

— Да вот до этого двора, до этого дома.

Весело поёт Горшеня, а против дома высоко поднял. Услыхал царь, выбежал на крыльцо:

— Здравствуй, Горшеня, с приездом!

— Спасибо, царь-государь.

— А на ком ты едешь-то?

— Да на худом-то разуме, государь.

— Ну молодец, Горшеня, умел продать товар!.. Боярин, скидай строевую одежду и сапоги, а ты, Горшеня, снимай кафтан и разувай лапти... Ты, боярин, обувай лапти, надевай кафтан, а ты, Горшеня, надевай строевую боярскую одёжу. Не много ты, Горшеня, послужил, да много выслужил, а ты, боярин, не умел владеть боярством... Ну как, Горшеня, прилетали гуси?

— Прилетали.

— Пёрышки ощипал, а по правильному покинул?

— Нет, наголо, великий государь, всего ощипал.

ГЛУПАЯ БАРЫНЯ

Жила-была барыня, глупая-преглупая. Что ни забьёт себе в голову — умри, а исполни.

Вот задумала барыня вывести сорок цыплят, и чтобы все были чёрненькие.

Горничная говорит:

— Да разве это, барыня, возможно?

— Хоть и невозможно, а хочется, — отвечает барыня.

Зовёт она своего кучера и приказывает:

— Садись в лукошко, выводи сорок цыплят, да чтобы были они все чёрненькие.

— Помилуй, барыня! — говорит кучер. — Где же это видано — человека наседкой сажать?

Барыня и слушать не хочет.

— Тебе, — говорит, — привычно на козлах сидеть, посидишь и в лукошке.

«Вот проклятые господа! — думает кучер. — Всю шею нам объели, хоть бы все околели!»

— Что ж, — говорит, — воля ваша. Только дай мне, барыня, то, что я попрошу. А нужно мне чаю, сахару, харчей побольше, тулуп, валенки и шапку.

Барыня на всё согласна.

Отвели кучера в баню. Дали ему всё, что просил. Посадил он наседкой курицу. Стали к нему друзья ходить, он их — чаем поить. Сидит с ними, чаёк попивает, барыню дурой обзывает.

Ни мало ни много времени прошло, вывела наседка цыплят, из них три чёрненьких.

Берёт кучер чёрненьких пискунов в лукошко, идёт к барскому окошку:

— Вот, барыня, трёх уже высидел. Получай да харчей прибавляй. Сама видишь: тяжело мне их высиживать.

Барыня обрадовалась, харчей прибавила, кучера досиживать заставила.

Каждый день слуг шлёт узнать, сколько ещё чёрненьких наклюнулось.

Видит кучер: дело плохо. Говорит своим друзьям:

— Вы, ребята, зажигайте баню да меня держите. Буду я рваться, в огонь кидаться, а вы не пускайте.

Ладно, так и сделали. Баню подожгли. И барыне доложили. Загорелась, мол, баня по неизвестной причине.

Вышла барыня на крыльцо и видит: горит баня, пылает, а кучер убивается, в огонь кидается. Слуги его держат, не пускают, а он одно:

— Клу-клу!.. Клу-клу!.. Клу-клу!..

Слуги говорят:

— Ой, барыня, смотри, как он сокрушается, как его материнское сердце разрывается!

А барыня кричит:

— Держите его, покрепче держите! Цыплят теперь не спасёшь, так его бы удержать — очень хороша наседка!

Не успели пожар потушить, приказывает барыня кучеру опять цыплят выводить.

А он, не будь глуп, взял валенки да тулуп — только его и видели.

СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе жила барыня — и до того сердитая, никому житья не было! Староста придёт спросить что — она его не отпустит, пока не отхлещет. А мужикам-то житья не было никакого: драла, как собак.

Вот раз приходит солдат на побывку домой. Рассказали ему про барыню, а он и говорит:

— Я её проучу.

Настала ночь, барыня уснула. Велел солдат лошадей запрячь. Подъехал к усадьбе, тихонько вынес барыню и отвёз в избу к сапожнику. А сапожникову жену отвёз в усадьбу.

Пробудилась на заре жена сапожника, видит: дом преотличный. Тотчас служанки к ней подбежали, подают умываться. Умылась — подали полотенце, утёрлась. Подают самовар. Села она чай пить. Староста приходит к ней на цыпочках. Она взглянула на него: что за мужик?

— Тебе, — говорит, — что надо?

— Я, барыня, пришёл спросить, какой наряд на сегодня дадите.

А она догадалась, как ответить:

— Нешто не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте!

Староста вышел на кухню и говорит:

— Сегодня барыня добрая, просто отроду такая не бывала!..

Живёт сапожникова жена в усадьбе месяц и другой, и так её расхвалили крестьяне — по всей округе нет лучше барыни!

А барыня пробудилась утром у сапожника и кричит:

— Слуги!

Сапожник сидит и шьёт:

— Подымайся, баба, пора печь топить!

— А ты кто такой? Подавай умываться!

— Ах ты барыня! Сама поди по́ воду: солнышко давно встало. — Вскочил со стула, сдёрнул ремень и давай её хлестать. — Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до того хлестал её, пока не устал. Барыня взмолилась. Побрела по воду, потом за дровами, затопила печь, кое-чего сварила.

И так жила она месяца два. За что ни возьмётся, ничего у неё не выходит, всё из рук валится: то щи недоварит, то воду разольёт. Сапожник её не раз колотил. И сделалась барыня добрая, работящая.

Как услыхал об этом солдат, переменил ночью барыню и сапожникову жену.

Утром встаёт барыня тихонько, выходит из своей комнаты: «Что это, я в старом доме? Откуда я взялась?»

Спросила служанок:

— Служанки! Как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с тех пор барыня мягкая-мягкая сделалась. А сапожникова жена стала жить по-старому.

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

Говорил барин с солдатом; стал солдат хвалить свою шинель:

— Когда мне нужно спать, постелю я шинель, и в головах положу шинель, и покроюсь шинелью.

Стал барин просить солдата продать ему шинель.

Вот они за двадцать пять рублей сторговались. Пришёл барин домой и говорит жене:

— Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла: постелю шинель, и в головах положу шинель, и оденусь шинелью.

Жена стала его бранить:

— Ну как же ты будешь спать?

И точно, барин постелил шинель, а в головах положить и одеться нечем, да и лежать-то ему жёстко.

Пошёл барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел позвать солдата.

Привели солдата.

— Что же ты, брат, — говорит командир, — обманул барина?

— Никак нет, ваше благородие, — отвечает солдат.

Взял солдат шинель, расстелил, голову положил на рукав и накрылся полою.

— Куда как хорошо, — говорит, — на шинели после походу спится!

Полковой командир похвалил солдата, а барину сказал:

— Кто поработает да устанет, тот и на камне спит, а кто ничего не делает, тот и на перине не уснёт!

НАГОВОРНАЯ ВОДИЦА

Жили-были муж с женой. Смолоду они жили всем на загляденье, а под старость — словно их кто подменил. Только спустит утром старик ноги с печки, как уж и пошла промеж ним и старухой перебранка. Он старухе слово, а она ему два, он ей два, а она ему пять; он пять, а она десять. И такой вихрь завьётся промеж них, хоть из избы вон беги.

А разбираться начнут — виноватого нет.

— Да с чего б это у нас, старуха, а? — скажет старик.

— Да всё ты, старый, ты всё!..

— Да полно! Я ли? Не ты ли?.. С долгим-то языком!..

— Не я, да ты!

— Ты, да не я!

И снова здорово: опять ссора промеж них затеялась. Вот раз слушала, слушала их соседка и говорит:

— Маремьянушка, что это у тебя со старым-то всё нелады да нелады. Сходила б ты на край села к бобылке. Бобылка на водицу шепчет... Людям помогает, авось и тебе поможет.

«А и впрямь, — подумала старуха, — схожу к бобылке...»

Пришла к бобылке, постучала в окошко. Та вышла.

— Что, — спрашивает, — старушечка, тебе надобно?

— Да вот, — отвечает бабка, — пошли у нас нелады со стариком.

— А подожди, — говорит бобылка, — немного.

И сама — в дом.

Вынесла старухе воды в деревянном ковше да при ней же на ту воду пошептала. Потом перелила её в стеклянную посудину, подаёт и говорит:

— Как домой придёшь да как зашумит у тебя старик-то, так ты водицы-то и хлебни; да не плюнь, не глотни, а держи во рту-то, пока он не угомонится... Всё ладно и будет!

Поклонилась старуха бобылке, взяла посудину с водой — и домой. И только ногу за порог занесла, как старик на неё и напустился:

— Ох уж мне эти бабы-стрекотухи! Как пойдут, так словно провалятся! Давным-давно самовар пора ставить, а ты и думать забыла! И где это ты запропала?..

Отхлебнула старуха из стеклянной посудины да не плюнула, не проглотила, а, как велела бобылка, держит во рту.

А старик видит, что она не отвечает, и сам замолчал. Обрадовалась старуха: «А и впрямь, видать, что водица эта наговорная целебная!»

Поставила посудину с водой, а сама — за самовар да и загреми трубой.

Услышал это старик:

— Эка нескладна-неладна! Не тем концом руки, видать, воткнуты!

А старуха хотела было ему ответить, да вспомнила наказ бобылки и — опять за водицу! Хлебнула и держит во рту.

Видит старик, что старуха ни словечка ему супротивного не говорит, — дался диву и... замолчал.

И пошло промеж них с той поры все как по-пи-

саному: снова, как в молодые годы, людям на загляденье жить стали. Потому, как только начнёт старик шуметь, старуха сейчас — за водицу!

Вот она сила-то в ней какая!

РИФМЫ

Шиш по своим делам в город пошёл. Дело было летом, жарко.

Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

Я твоего Кузьму
За бороду возьму!

Дядька говорит:

– Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

– Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

– Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твово дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

– Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

– Это, дяденька, для рифмы.

– Я вот тебе скажу рифму: тебя как зовут?

– Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя.
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

– Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

Если ты Степан,
Садись на ероплан.
На ероплане и летай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.

Дядька говорит:

Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».

— Хотя и нет, всё равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везёт на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

ЛЕНИВАЯ СТАРУХА

Старуха ленива была.

Старик говорит ей:

— Давай загончик выжнем!

А она:

— Ну зачем?

Пришло время — ни обуть, ни одеть, ни ложкой задеть. Посреди зимы схватилась, ишь когда с горы скатилась! Шумит вьюга, а она:

— Старик, лентяй, иди скорее — не жать ли зовут?

КОЛЕСО

Раз один жених свататься пошёл. Он очень нескладно говорил. Вот сват ему и даёт совет:

— Ты, брат, с невестой-то как покруглее говори.

Ну, он пришёл в дом к невесте. Помолчал, помолчал, а как наелся, напился, развеселился, так невесте и говорит:

— Колесо.

Да помолчит, помолчит и опять:

— Колесо.

Ведь круглое колесо-то, а ему «покруглее» говорить велели, вот он круглое и выбрал.

Невеста увидала, что жених глуп, и не пошла за него.

ГОРШОК

Жили-были мужик да баба. Оба были такие ленивые... Так и норовят — дело на чужие плечи столкнуть, самим бы только не делать... И дверь-то в избу никогда на крюк не закладывали: утром-де вставай да руки протягивай, да опять крюк скидывай... И так проживём.

Вот раз баба и свари каши. А уж и каша сварилась! Румяна да рассыпчата, крупина от крупины так и отваливается. Вынула баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила. Съели кашу и ложки облизали... Глядь, а в горшке-то сбоку да на донышке приварилась каша, мыть горшок надобно. Вот баба и говорит:

— Ну, мужик, я своё дело сделала — кашу сварила, а горшок тебе мыть!

— Да полно тебе! Мужиково ли дело горшки мыть? И сама вымоешь.

— А и не подумаю!

— И я не стану.

— А не станешь — пусть так стоит!

Сказала баба, а сама на лавку.

Стоит горшок немытый.

— Баба, а баба! Надобно горшок-то вымыть!

— Сказано — твоё дело, ты и мой!

— Ну вот что, баба! Уговор дороже денег: кто завтра первый встанет да перво слово скажет, тому и горшок мыть.

— Ладно, лезь на печь, там видно будет.

Улеглись. Мужик на печи, баба на лавке. Пришла тёмна ноченька, потом утро настало.

Утром-то никто и не встаёт. Ни тот, ни другой и не шелохнутся — не хотят горшка мыть.

Бабе надо коровушку поить, доить да в стадо гнать, а она с лавки-то и не подымается.

Соседки уже коровушек прогнали.

— Что это Маланьи-то не видать? Уж всё ли поздорову?

— Да, бывает, позапозднилась. Обратно пойдём — не встретим ли...

И обратно идут — нет Маланьи.

— Да нет уж! Видно, что приключилося!

Соседка и сунься в избу.

Хвать! — и дверь не заложена. Неладно что-то. Вошла, огляделась.

— Маланья, матушка!

А баба-то лежит на лавке, во все глаза глядит, сама не шелохнётся.

— Почто коровушку-то не прогоняла? Ай нездоровилось?

Молчит баба.

Ни тот, ни другой и не шелохнутся — не хотят горшка мыть.

— Да что с тобой приключилось-то? Почто молчишь?

Молчит баба, ни слова не говорит.

— Господи помилуй! Да где у тебя мужик-то?.. Василий, а Василий!

Глянула на печь, а Василий там лежит, глаза открыты — и не ворохнётся.

— Что у тебя с женой-то? Ай попритчилось?

Молчит мужик, что воды в рот набрал. Всполошилась соседка:

— Пойти сказать бабам! — Побежала по деревне: — Ой, бабоньки! Неладно ведь у Маланьи с Василием: лежат пластом — одна на лавке, другой на печи. Глазоньками глядят, а словечушка не молвят. Уж не порча ли напущена?

Прибежали бабы, причитают около них:

— Матушки! Да что это с вами подеялось-то? Маланьюшка! Васильюшка! Да почто молчите-то?

Молчат оба что убитые.

— Да бегите, бабы, за попом! Дело-то совсем неладно выходит.

Сбегали. Пришёл поп.

— Вот, батюшка, лежат оба — не шелохнутся; глазоньки открыты, а словечушка не молвят. Уж не попорчены ли?

Поп бороду расправил — да к печке:

— Василий, раб божий! Что приключилось-то?

Молчит мужик.

Поп — к лавке:

— Раба божия! Что с мужем-то?

Молчит баба.

Соседки поговорили, поговорили да и вон из избы. Дело не стоит: кому печку топить, кому ребят кормить, у кого цыплята, у кого поросята.

Поп и говорит:

— Ну, православные, уж так-то оставить их боязно, посидите кто-нибудь.

Той некогда, другой некогда.

— Да вот, — говорит, — бабка-то Степанида пусть посидит, у неё не ребята плачут — одна живёт.

А бабка Степанида поклонилась и говорит:

— Да нет, батюшка, даром никто работать не станет! А положи жалованье, так посижу.

— Да какое же тебе жалованье положить? — спрашивает поп да повёл глазами-то по избе. А у двери висит на стенке рваная Маланьина кацавейка[1], вата клоками болтается. — Да вот, — говорит поп, — возьми кацавейку-то. Плоха, плоха, а всё годится хоть ноги прикрыть.

Только это он проговорил, а баба-то, как ошпарена, скок с лавки, середь избы стала, руки в бо́ки.

— Это что же такое? — говорит. — Моё-то добро отдавать?! Сама ещё поношу да из своих ручонек кому хочу, тому отдам.

Ошалели все. А мужик-то этак тихонько ноги с печи спустил, склонился да и говорит:

— Ну вот, баба, ты перво слово молвила — тебе и горшок мыть.

ЛЕНИВАЯ НЕВЕСТА

У одной матери дочь была ленивая-преленивая. Задумает мать что-нибудь шить и попросит дочку:

— Подсоби матери: вдень нитку в иголку.

А дочка:

— Глаза слабые, плохо вижу.

---

[1] Кацавейка — короткая кофта.

Вот раз приехал к ним в деревню один холостой парень и решил посвататься к ленивице: она с лица неплохая была.

А мать его и говорит:

— Не женись на ней, она ленивая. Иголки и той никогда в руки не берёт. Как попросит её мать нитку в иголку вдеть, так она сейчас: «Глаза слабые, плохо вижу».

А парень не захотел матери на слово поверить.

— Может, потому, — говорит, — не берёт иголки, что и вправду на глаза слабая, да для женитьбы это не помеха.

Тогда мать стала просить сватов, чтоб испытали они невесту. Вот пришли сваты в дом к невесте да понарошку тихонько иглу под порог и положили.

А ленивица сразу её и приметила:

— Вон, — говорит, — под порогом иголка лежит.

Как узнал про это жених, понял, что невеста и вправду лентяйка, и расхотел на ней жениться.

— Ленивая жена, — говорит, — мне не нужна!

КАША ИЗ ТОПОРА

Пришёл солдат из похода в одну деревню, зашёл в крайний дом и говорит хозяйке:

— Здравствуй, бабушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

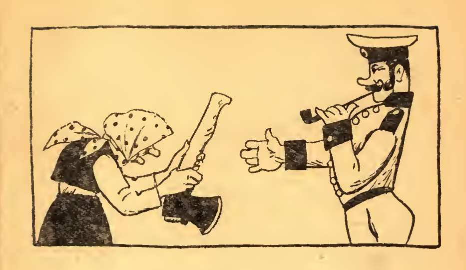
А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь!

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь!

— Ах ты хитрая жадина! Я тебе глухоту-то вылечу! Подавай на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашицу!

— Да не из чего, родимый!

— Ну ладно, я из топора сварю.

«Что за диво! — думает бабка. — Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит».

Солдат взял топор, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп. Опять варил, варил, попробовал и говорит:

— Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!

Баба принесла ему масла.

Солдат сварил кашицу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да берись за ложку: станем кашицу есть!

Похлебали вдвоём кашицу.

Старуха спрашивает:

— Служивый, когда ж топор будем есть?

— Да вишь, он ещё не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь по дороге доварю да позавтракаю!

Убрал топор в ранец, распростился с хозяйкой и пошёл в другую деревню.

Вот так-то солдат из топора кашу сварил!

ПО КОПЕЙКЕ БЛЁСТКА

Вошёл солдат в избу.

— Накорми чем бог послал, бабка!

А бабка была жадная:

— Изволь, служивый, да не обижайся: только и еды у меня, что пустые щи.

— Как — пустые?

— Из одной капустки.

— Неужто без маслица?

— Что ты, служивый, маслице-то нынче дорого.

— А как дорого?

— Да по копейке блёстка.

— Ничего, — говорит солдат, — давай маслица, заплачу́.

Налила бабка солдату тарелку щей, достала с печи горшочек топлёного масла и капнула одну каплю в тарелку.

Заиграла во щах золотая блёстка.

А солдат говорит:

— Давай ещё!

Капнула бабка ещё каплю.

Заиграла во щах другая блёстка.

Солдат говорит:

— Давай ещё!

Капнула бабка третью каплю.

А солдату всё мало. Взял он у бабки из рук горшочек да разом весь его в тарелку и выплеснул.

Заиграли тут блёстки во щах — пять... десять... двадцать — не сосчитаешь. И слились все в одну, большую блёстку.

Солдат бабке о д н у копейку и заплатил.

ЗАЯЦ

Бедный мужик шёл по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца убью плетью да продам за четыре алтына.

На те деньги куплю свинушку. Она принесёт мне двенадцать поросёночков. Поросятки вырастут, принесут ещё по двенадцати. Я всех приколю, амбар мяса накоплю. Мясо продам, а на денежки дом заведу да сам женюсь. Жена-то родит мне двух сыновей: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки наводить: «Эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! Шибко людей на работе не подгоняйте, видно, сами бедно не живали!»

Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал.

КУРОЧКА ТАТАРУШКА

Жил старик да старушка. Была у них курочка Тата́рушка. Снесла она яичко черно́, пестро́ и багро́висто. Положили они его в клети на полку на пряменьку на соломку. Кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку тряхнула, яичко расшибла. Старик-то заплакал, старуха зарюмила — избу затопили, двери растворили, жернова замололи. Идёт баба по воду и говорит дедушке:

— Что, дедушка, плачешь?

— Не знаешь, доченька, моего горя великого?

— Какое у тебя горе?

— У меня была едина курочка Татарушечка, снесла одно мне яичко черно, пестро и багровисто. Кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку тряхнула, яичко расшибла. Я-то заплакал, старуха зарюмила — избу затопили, двери растворили, жернова замололи.

Начала баба с печали вёдра колоть.

Приходит дьячок, спрашивает:

— Что ты, дедушка, плачешь?

— Не знаешь ты моего горя великого?

— Какое твоё горе великое?

— Вот ведь была у меня едина курочка Татарушечка, снесла яичко черно, пестро и багровисто. Кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку тряхнула, яичко расшибла. Я-то заплакал, старуха зарюмила — избу затопили, двери растворили, жернова замололи. Баба шла за водой, стала вёдра колоть.

Дьячок побежал и начал с печали дедушкиной колокол бить.

Бежит дьякон:

— Что ты, дурак, делаешь, колокол бьёшь?

Дьячок говорит:

— Не знаешь ты нашего горя великого. Вот тут у дедушки была едина курочка Татарушечка. Снесла она яичко черно, пестро и багровисто. Кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку тряхнула, яичко расшибла. Старик-то заплакал, старуха-то зарюмила — избу затопили, двери растворили, жернова замололи. Баба шла за водой, стала вёдра колоть, а я колокол бью!

А дьякон говорит:

— Я с горя дедушкина все книги изорву!

Идёт поп, подходит к дьячку:

— Что, дьячок, делаешь?

— Ты, батюшка, не знаешь нашего горя великого. У дедушки была едина курочка Татарушечка. Снесла она яичко черно, пестро и багровисто. Кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку тряхнула, яичко расшибла. Старик-то заплакал, старуха зарюмила — избу затопили, двери растворили, жернова замололи. Баба шла за водой, стала вёдра колоть, я колокол бью, а отец дьякон книги рвёт!

Начал поп их лупить сколько влезет: дьячка-то дубиной, дьякона-то вязиной. И сказке конец.

БРАТ И СЕСТРА

Шли просёлком брат и сестра, стали подходить к деревне.

Брат говорит:

— Я здесь молока куплю.

А сестра:

— А я в молоко хлеба накрошу!

Брат ухватил сестру за косу и давай дёргать и приговаривать:

— Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!

Пришли в деревню, а молока никто им и не продал.

ИВАНУШКА

Иванушка ходил в лаптях. Заходит он в свою избу. Матери дома не было. Услыхал — кто-то в избе пыхтит. Испугался он, дверями хлопнул и побежал. У него оборка от лаптя на ноге развязалась. Прищемило её в дверях, он и упал. И закричал:

— Батюшки! Спасите! Домовой меня держит!

Прибежали соседи, подняли Иванушку, а он чуть жив. И тут разобрали, в чём дело: испугался он лаптя на своей ноге, оборки и квашни. То-то смеху было!

ЗАВЕЩАНИЕ

Жил-был мужик. Умирает у него отец и говорит:

— Ты, мой сын, живи так: чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись, и калачи бы ел с мёдом!

Умер отец. А этот мужик живёт год — прожил сто рублей: никому не кланялся и всё калачи ел с мёдом. Живёт другой — прожил другую сотню. На третий год прожил третью сотню. И думает: «Что же это? Сотни у меня не прибавляются, а всё убав-

ляются!» Приходит, рассказывает дяде. Дядя ему и сказал:

— Эх, ты! Выезжай-ко ты раньше всех на пашню, никому и не будешь кланяться, а тебе все будут кланяться. А приезжай домой поздно, тебе калач-то будет казаться с мёдом.

МОРСКОЙ ОХОТНИК

Как тебе на море служилось? — спросили солдата, отслужившего свой срок.

— Служба, что и говорить, всем хороша, — отвечает солдат. — Ухи и рыбы всякой довольно. Одно только беспокойно: бывало, как солнышко готовится спускаться ввечеру, так, того и гляди, что на корабль сядет. А сядет в море, так оно даже и зашипит, что камень банный, так что даже сразу на целую версту воду нагреет и на всю команду ухи наварит!

— Да ты, брат, не морской ли охотник, случаем?

— Раз моряк, значит, и морской охотник, а то как же иначе?

— То-то оно и видать, что охотник.

— А как ты узнал?

— Да по рассказам твоим!

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс.

Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова, тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне:

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям:

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья.

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму! — и взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки, всех шестеро, как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям:

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей.

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, — все поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

ТРИ КАЛАЧА И ОДНА БАРАНКА

Одному мужику хотелось есть. Он купил калач и съел, — ему всё ещё хотелось есть. Купил другой калач и съел, — ему всё ещё хотелось есть. Он купил третий калач и съел, — ему всё ещё

хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт.

Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

— Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

КАК ПАРЕНЬ ЛОШАДИ ПОМОГ

Поехал парень на базар овёс продавать, а была распутица. Лошадёнка в дороге замаялась. Видит парень, что лошадь совсем нейдёт, развязал воз, снял с него мешок в четверть[1], положил себе на плечи, сам опять на воз уселся на корточках и погоняет лошадь:

— Но, Бурка! Теперь тебе не так уж тяжело. Я на себе целую четверть везу!

ЗА ДУРНОЙ ГОЛОВОЙ — НОГАМ РАБОТА!

Затопила баба печь и дыму в избу напустила — не продохнуть. «Надо попросить у соседей решето — дым из избы вынести», — подумала баба и пошла к соседям, а дверь за собой не прикрыла.

Пришла к соседям.

А те говорят:

— Нет у нас решета. Догада́иха одолжили.

Отправилась баба к Догада́ихе, на край села, взяла у неё решето и пошла домой.

---

[1] Чётверть — старинная мера сыпучих тел, около 8 пудов, или 120 кг.

Вошла в избу, а дыму как не бывало.

Смекнула тут баба, что, пока она ноги била, за решетом ходила, дым в дверь ушёл, и закорила сама себя: «За дурной головой — ногам работа!»

КАК БРЕВНО РАСТЯНУТЬ ХОТЕЛИ

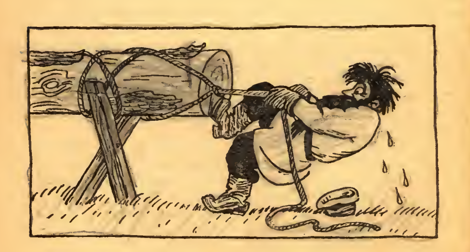
Вздумали два брата подрядить плотников поставить новую баню.

Плотники просят настоящую цену, а братья норовят на даровщинку баню поставить: грошовую цену дают.

— Покажите лес, из которого баню ставить, — говорят плотники.

Те показали.

— Подходящий лес, тёплый. Только одно бревно коротко, надо его растянуть.

— Что ж, мы его растянем, — отвечают братья. — Приходите к вечеру.

Стали они просить соседей растянуть бревно, да никто не согласился.

Пришлось братьям самим за дело взяться.

Положили бревно на козлы, привязали к обоим концам по верёвке и давай в разные стороны тянуть.

До самого вечера промаялись.

Тут пришли плотники.

— Ну как, растянули? — спрашивают.

— Сколько ни тянули, ни на соломинку не вытянули!

— Ну, тогда делать нечего. Нас другая работа ждёт.

На том и распрощались.

СКУЧЕН ДЕНЬ ДО ВЕЧЕРА, КОЛИ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО

Сложил печник печь у одного богатея, тот и стал угощать его киселём.

— Кисель на столе, а молоко в погребе, — сказал хозяин и протянул печнику ложку.

Зачерпнул печник киселя на ложку и пошёл в погреб прихлебнуть молоком.

Прихлебнуть прихлебнул, а после того взял кувшин и принёс в избу, на стол поставил. Поел киселя с молоком, опорожнил весь кувшин. Потом взял расчёт и домой отправился.

Как вышел за дверь, так хозяин налил и себе тарелку киселя, зачерпнул на ложку и отправился в погреб, чтоб прихлебнуть молоком.

Только вышел из погреба, и печник воротился: рукавицы на печке позабыл. Видит печник, что у хозяина в руке ложка из-под киселя, борода в молоке, и смекнул, что тот прихлёбывать кисель молоком в погреб ходил. «Неспроста это он взад-вперёд с ложкой ходит, — подумал печник. — Не иначе, как дела ищет: скучен день до вечера, коли делать нечего».

НЕРАЗУМНАЯ АКУЛЯ

Принялась Акуля шить себе рубаху. Видит мать, что дочка не так полотно сшивает, и говорит ей:

— Акуля, Акуля! Что шьёшь не оттуля?

— А я, маменька, ещё пороть буду!

КАК МУЖИК ЛАПТИ ПЛЁЛ

Увидел мужик на базаре лапти и спрашивает:

— Почём пара лаптей?

— Пара лаптей двух пар лапоточков стоит.

«Стало быть, чем больше лапти, тем дороже, — смекнул мужик.

Вернулся мужик домой, поехал в лес, надрал воз лыка и сел лапти плести.

Час плетёт, другой. Солнце за полдень перевалило, а он всё лапоть наращивает. Уж тот с добрую лодку стал, а он всё плетёт.

Вечером вернулась с поля жена и только на порог, как муж к ней:

— Так плету или не так?

А она:

— Так-то оно так, да из избы-то как?

ДОГАДАЛСЯ!

Засиделись однажды Агафон с Фалалеем да ещё пятеро их дружков-приятелей в гостях и решили заночевать. Сняли кафтаны и положили один подле другого на лавку.

Настало утро. Проснулся Агафон и давай приятелей и кафтаны считать: не потерялись ли за ночь.

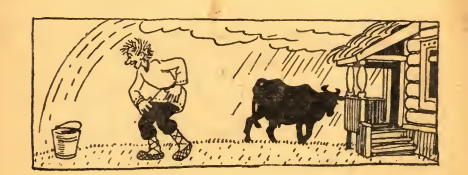
Пересчитал приятелей — шестеро, сосчитал кафтаны — семь. Справа налево сосчитал и слева направо: всё семь.

«Не иначе, — догадался Агафон, — как кафтан кафтан родил». И давай Фалалея будить, чтобы порадовать прибылью.

РАДУГА ВОДУ ВЫПИЛА!

Поставил парень ведро с водой посреди двора, а сам пошёл в избу печь затоплять. Тем временем во двор забрела корова и выпила воду. Растопил парень печь и пошёл за ведром. Видит: над ведром радуга коромыслом, а воды в ведре как не бывало.

— Эй! — закричал он соседу. — Слышишь, радуга воду из ведра выпила!

КАК ХОЗЯИН ПОМОГ В НОГАХ РАЗОБРАТЬСЯ

Заночевали раз четверо приятелей у одного хозяина. Легли головами врозь, ногами вместе. А проснулись — никак не могут разобрать, которые ноги чьи.

— Хотите, помогу в ногах разобраться? — предложил хозяин.

— Помоги! — запросили гости.

— Ложитесь на животы!

Те легли.

Взял хозяин со стены кнут и давай гостей по ногам охаживать.

Тут они мигом разобрали, которые ноги чьи.

---

1. КАК СОЛНЫШКО МЕШКАМИ ЛОВИЛИ

Были в одном лесу две глупые деревни. Жители одной прозывались все Гольтяпонами, а соседней — Пустоголовами.

Рассорились однажды Гольтяпоны с Пустоголовами и решили силою помериться.

Стали друг против друга стеной, а драться никому не хочется.

Тут Гольтяпоны догадались пустить на соседей солнышко:

«Ослепнут от него Пустоголовы, тогда и без бою их одолеем».

Только поднялось солнышко, сняли с себя Гольтяпоны шапки и ну махать ими на вражескую сторону. Скоро солнце стало против Пустоголовов и пошло их слепить.

Пустоголовы высыпали из мешков толокно и давай ловить солнышко.

Пустоголовы не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали из мешков толокно и давай ловить солнышко. Наведут мешок на него и завяжут, наведут и завяжут. Долго ли, мало ли они ловили, только, когда поглядели на небо, видят: стоит солнце как вкопанное. «Несдобровать, видно, нам. Надо просить мира у Гольтяпонов. Пусть солнышко назад вернут», — решили Пустоголовы и запросили мира.

А Гольтяпоны и сами рады помириться. Да только как, думают, солнышко назад вернуть?

И тут их вдруг осенило: «А может, оно и само, по своей охоте, со старого места поутру поднимется?»

— Ладно! — согласились они. — Так и быть, помиримся, только солнышко не раньше чем через ночь на своё место вернём.

Посмотрели утром Пустоголовы на небо — обрадовались: «Молодцы Гольтяпоны, сдержали слово: вернули на своё место солнышко!»

2. КАК НЕБО КОЛЬЯМИ ПОДПИРАЛИ

Проснулись однажды Гольтяпоны, глянули на небо и видят: ходят тучи низко-пренизко. «Того и гляди, небо обвалится!» — испугались они и решили собрать сходку.

Три дня и три ночи думали, как сделать, чтоб небо не обвалилось, и надумали разобрать все частоколы и подпереть небо кольями.

Только стали с кольями по концам деревни, наступило вёдро.

Идёт староста по деревне, бороду покручивает

да кругом поглядывает. Дошёл до середины базарной площади, стал и говорит:

— Здорово, люди добрые! Отбыла беда, идите по домам!

В ТРЁХ СОСНАХ ЗАБЛУДИЛИСЬ

Пришла надобность двум приятелям пойти в соседний город. Вот и отправились они в путь-дорогу.

Идут, идут, вдруг видят: стоят на дороге три сосны. Подошли они к ним и, как в лесу, в трёх соснах заблудились: в какую сторону ни пойдут, всё на дерево натыкаются, никак не могут из сосен выбраться.

Плутали они, плутали между тремя соснами и так притомились, что решили домой вернуться. Так до соседнего города и не дошли.

РАЗГОВОР

Повстречались под вечер два приятеля. Один другого и спрашивает:

— Чего сегодня делал?

— Рукавицы искал.

— Нашёл?

— Нашёл.

— Где ж они были?

— Да за поясом. А ты куда шагаешь?

— За семь вёрст.

— Киселя хлебать?

— Нет, комара искать.
— Это которого ж комара?
— Да того, который за нос укусить меня хочет.
— Да он же при тебе!
— Где это при мне?
— Да на носу у тебя!

КАК ОДИН СЫН МОЛОКО ШИЛОМ ХЛЕБАЛ

Сел отец с сыновьями за стол, взял каждый по ложке и давай молоко из мисок хлебать.

А один сын взял вместо ложки шило и тоже — в миску.

Увидал это отец и говорит:

— Брось шило, возьми ложку.

А сын не хочет послушать отца: тычет шилом в молоко.

Видит отец, что сын его не слушает, и не стал ему ничего больше говорить.

Поели отец с сыновьями молока: досыта наелись.

А сын, который шилом молоко хлебал, вышел из-за стола голодный.

ЛИСИЦА И ТЕТЕРЕВ

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек, мой дружочек! Как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове, — сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев. — Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услыхала про собак, навострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает? — сказала лисица. — Может, они указа не слыхали.

И убежала.

ЛИСА И РАК

Лиса говорит раку:

— Давай перегоняться!

— Что ж, лиса, давай.

Начали перегоняться.

Лиса побежала, а рак уцепился лисе за хвост.

Лиса до места добежала, обернулась посмотреть, вильнула хвостом, рак отцепился и говорит:

— А я уж давно тут тебя жду.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлём подружились.

Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошёл журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает:

— Покушай, голубчик куманёк, — сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так всё сама и съела.

Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманёк! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдёт, и этак, и лизнёт его, и понюхает-то — никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

— А журавль клюёт себе да клюёт, пока всё не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла — несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.

ЛИСА И КУВШИН

Вышла баба на поле жать и спрятала за снопы кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала, пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет. Отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл, да и полно.

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь. Рассердилась лиса.

— Погоди же ты, проклятый! Не отстаёшь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул да и лису за собой потянул.

ЛИСА И ВОЛК

В одной деревне на задворках стояли зимой стога сена. Увидала их разжившаяся рыбой лисица, взобралась на один из стогов и стала есть рыбу. В ту же ночь случилось проходить мимо того стога волку. Увидел он лису и говорит:

— Здоро́во, кумушка!

— Здоро́во, куманёк!

— Что это ты ешь?

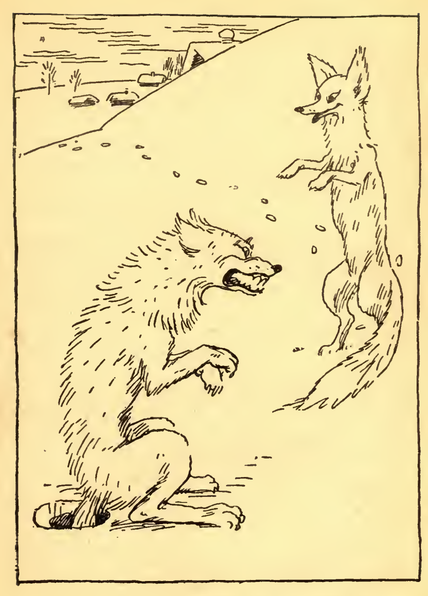
— Рыбку!

— Да где ты взяла?

— Наловила в пруде.

— Каким это способом?

— Коли хочешь, то научу, — предложила лиса.

— *Ясни, ясни на небе, мёрзни, мёрзни, волчий хвост.*

— Спасибо скажу, пойдём!

Привела лиса волка к проруби и говорит:

— Вот садись и хвост опусти в воду, а рыбка и станет ловиться.

Волк сел и хвост опустил в прорубь, а лиса ворчит:

— Ясни, ясни на небе, мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

— А что ты, кума, говоришь? — спрашивает волк.

— Скликаю, кум, рыбку к тебе!

— Ну, спасибо!

Как увидела лиса, что прорубь замёрзла, сказала:

— Побегу в деревню за мёдом! А ты подожди меня! — И только волк её и видел.

Сидел он, ждал, ждал её, пока не пришли мужики с вилами. Хотел волк убежать от них, да не тут-то было: не пустил его примёрзший хвост.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

— И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться, давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услыхали зайцев и забултыхали в воду.

Один заяц и говорит:

— Стойте, ребята! Подождём топиться: вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас боятся!

СОВИНЫЕ ДЕТИ

Проголодался кот и задумал по птичьим гнёздам пошарить, птенчиков поискать. Прослышала про это сова и говорит:

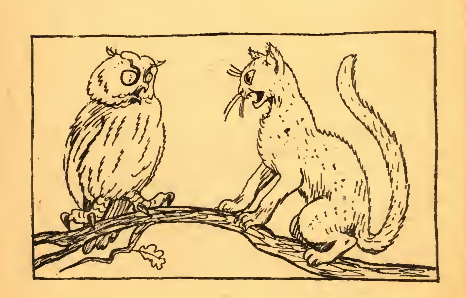
— Смотри, кот, ешь каких хочешь птенцов, только моих не тронь, прошу тебя.

— А как же я узнаю, которые твои? — спрашивает кот.

— Очень просто: мои совята самые красивые во всём лесу.

Вот взобрался кот на дерево и видит два гнезда: в одном попискивают красивые пушистые птенчики, а из другого выглядывают уродливые головастые птенцы.

Кинулся кот ко второму гнезду и сожрал в нём всех птенчиков.

Вот спускается кот с дерева, а сова уж тут как тут.

— Ах! Ах! Зачем ты моих совят съел?!

А кот:

— Я красивых не ел!

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летела сова — весёлая голова. Вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела, — летала, летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела, — летала, летала...

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были на болоте журавль да цапля. Построили они себе по концам[1] избушки.

Журавлю стало скучно жить одному, и задумал он жениться: «Дай пойду посватаюсь к цапле».

Пошёл журавль, — тяп-тяп! — семь вёрст болото месил.

Приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то тебе меня нечем! Ступай прочь, долговязый!

Пошёл журавль домой несолоно хлебавши.

---

[1] **По концам** — то есть журавль на одном конце болота, а цапля — на другом.

Цапля после раздумалась:

«Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля».

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась домой. Ушла цапля, а журавль раздумался:

«Напрасно не взял за себя цаплю! Ведь одному-то скучно».

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться, пойди за меня!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж!

Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду».

Приходит она свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сию пору один к другому свататься, да никак не женятся.

ПЕРЕПЁЛКА И ДЕРГУН

Перепёлка летела, летела, села и вздремнула. Схватил её волк и говорит:

— Съем я тебя.

Стала она просить:

— Не ешь меня, за это я тебе пригоню штук пять телят. А во мне-то мало товару — четверть фунта со всем пухом.

— Обманешь, — говорит.

Стала божиться:

— Не обману.

Обрадовался волк. «Ах, — думает, — это на целую неделю хватит». Пустил её. А сам лёг и стал ждать. Вспорхнула перепёлка и полетела. А на другой меже — дергун. Перепёлка говорит:

— Кум-куманёк, пожалей меня на нынешний денёк! Меня волк поймал.

— Как же ты рассталась с ним?

— А обещала ему пригнать пять телят.

Вот дергун и стал кричать:

— Тпрусь!.. Тпрусь!.. Тпрусь!..

А перепёлка кричит:

— Пять телят! Пять телят!..

Волк ждал: «Вот, вот гонит». Ждал, ждал, да так и сдох.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

У медведя в лачужке было медку три кадушки. Приходит к нему лиса вечерком: стук, стук, стук! — под окошечко.

— Кто там? — спрашивает медведь.

— Куманёк, куманёк! — говорит лиса. — Пусти ночевать, до смерти устала: по лесу ходила, все ноги отбила, каплями от дождя всю голову пробила!

— Ах, кума! — говорит медведь. — Рад бы пустить, да хата тесна. В одном углу растянулся, в другом протянулся — и вся занята!

— Ничего, — говорит лиса, — мне немного места надо: сама на лавочку, хвостик под лавочку, больше и не надо!

— Ну, коли так, — говорит медведь, — взойди, переночуй!

Взошла лиса.

— Здравствуй, — говорит, — куманёк!

— Здравствуй, кума! — говорит медведь. — Милости просим обночевать, а на ночлег, какой будет, не взыщи!

— Ничего! — говорит лиса. — Обо мне не беспокойся!

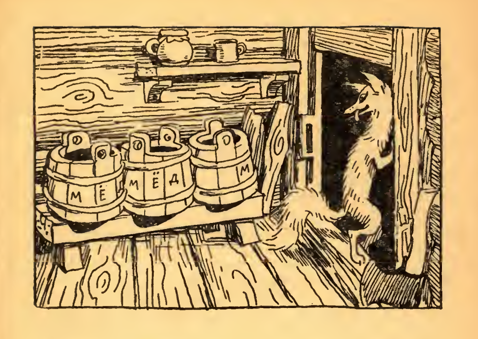
Лиса легла на лавочку и говорит медведю:

— Неравно, куманёк, кто за мной придёт кумой меня звать, так ты разбуди меня, пожалуйста, особливо как засплюсь!

— Ладно, — говорит медведь, — услышу — разбужу!

Только через минуту медведь захрапел.

Лисица сейчас же хвостиком своим об лавочку: стук, стук, стук! Медведь знай храпит во всю ивановскую, ничего не слышит. Лисица опять хвостиком: стук, стук, стук!

Услышал медведь.

— Кума, а кума! — говорит.

— Что, кум? — спрашивает лиса.

— Стучат, — говорит медведь, — верно, тебя кумой пришли звать.

— Ах, — говорит лиса, — не хочется до смерти, устала как собака днём-то!

— Ничего! — говорит медведь. — Иди!

— Делать нечего, — говорит лиса, — верно, идти надо!

Пошла. Вышла из избы, отыскала у медведя кадушки с мёдом, присела к одной и дочиста её опорожнила. Приходит в избу.

— Ну, что? — говорит медведь. — Что бог дал, кума?

— Начинышек! — говорит лиса.

Медведь заснул крепким сном, а лиса легла на лавочку, хвостик — под лавочку. Полежала, полежала, захотелось опять медку, — сейчас же хвостиком: стук, стук, стук об лавочку. Медведь не слышит. Опять: стук, стук, стук хвостиком. Медведь услыхал.

— Кума, а кума! — говорит. — Должно быть, опять тебя кумой пришли звать — кто-то стучит!

— Ах, — говорит лиса, — как не хочется!

— Ничего, — говорит медведь, — иди!

— Делать нечего, — говорит лиса, — идти, видно, надо.

Пошла. Отыскала другую кадочку и всю её уписала. Приходит в избу.

— Ну, что? — говорит медведь. — Что бог дал, кума?

— Серёдышек! — говорит лиса.

Опять медведь заснул. А лисица повертелась, повертелась на лавочке, захотелось ей опять медку — сейчас же хвостиком: стук, стук об лавочку. Медведь не проснулся. Лисица опять: стук, стук, стук хвостиком. Медведь проснулся.

— Кума, а кума! — говорит. — Опять, верно, кто-нибудь пришёл тебя кумой звать.

— Ах, как не хочется! — говорит лиса. — Измаялась уж я шибко!

— Ничего, — говорит медведь, — иди!

Пошла лиса, отыскала последнюю кадушку и весь мёд в ней поела.

Приходит в избу.

— Ну, что? — говорит медведь. — Что бог дал, кума?

— Последушек, — говорит лиса.

То был начинышек, а потом серёдушек, а тут последушек — значит, лиса все три кадки мёду съела!

— *Кума, а кума! Опять, верно, кто-нибудь пришёл тебя кумой звать.*

Заснули потом оба, и медведь и лиса. Наутро лиса собралась уходить и говорит медведю:

— Что ж, кум, вот я у тебя переночевала целую ночь, а ты меня ничем не угостил!

— Да чем же, — говорит медведь, — угостить-то тебя, кума? Ничего у меня нету! Сам, — говорит, — только тем и живу, что в лес хожу да ягоды собираю, тем только и пробиваюсь! А впрочем, — говорит, — кума, погоди, я принесу тебе медку. Есть у меня три кадушечки бережёные.

— То-то же, — говорит лиса, — поскупиться хотел!

Пошёл медведь из избы, только мёду не нашёл, а одни пустые кадушки.

— Кума, а кума! — говорит медведь. — Ведь мёд-то ты, должно быть, съела. Нету, — говорит, — нигде его, а остались только одни пустые кадушки!

— Вот что! — говорит лиса. — Так ты ещё поклёп на меня взводить вздумал! Хорошо! А давай-ка, — говорит, — взаправду узнаем, кто мёд-то съел.

— Давай, — говорит медведь, — только как это мы сделаем?

— Это уж моё дело! — говорит лиса. — Вот как затопим печку и ляжем оба против неё, у кого мёд вытопится, тот, значит, и мёд съел.

— Ладно! — говорит медведь.

Затопили печку. Легли против неё. Медведь тотчас же захрапел, а лиса выбежала из избы, поскоблила, поскоблила лапкой в кадушке, прибежала опять в избу, вымазала медведю хвост мёдом и легла. Только как мёд у медведя растопился на хвосте, лиса и будит его:

— Куманёк, куманёк, давай же смотреть, у кого мёд-то вытопился?

— Давай! — говорит медведь.

Сейчас же лиса лапкой мордочку свою утёрла.

— Видишь, — говорит, — у меня нигде не вытопился, и рыльце и лапочки чистёхоньки!

— Да! — говорит медведь. — Точно! Так уж это я ли сам съел?

Сейчас же лапищей своей как мазнёт по хвосту, лапа вся так и обмазалась мёдом!

— Прости меня, кума! — говорит мишка. — Ведь мёд-то, стало быть, я съел, должно быть, как-нибудь запамятовал!

— То-то же! — говорит лиса. — С больной головы да на здоровую хотел свалить! Ишь какой! Спасибо, куманёк! Угостил, нечего сказать! Да теперь ты и калачом не заманишь меня к себе в гости!

Так лиса и вышла суха из воды, а медведь виноват остался. И пошла она опять в лес других куманьков обманывать, а для себя вновь мёду промышлять.

КОЧЕТ И КУРИЦА

Жили курочка с кочетом. Пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне. Кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать: кочеток кидает, а курочка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, попал курочке в глазок и вышиб его. Курочка идёт — плачет. Вот едут бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! Начто ты курочке вышиб глазок?

— Мне орешня гребешок разодрала!

— Орешня, орешня! Начто ты кочетку гребешок разодрала?

— Меня козы поглодали.

— Козы, козы! Начто вы орешню поглодали?

— Нас пастухи не берегут.

— Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережёте?

— Нас хозяйка блинами не кормит.

— Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?

— У меня свинья опару пролила.

— Свинья, свинья! Начто ты у хозяйки опару пролила?

— У меня волк поросёночка унёс.

— Волк, волк! Начто ты поросёночка унёс?

— Я есть захотел, мне голод велел!

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья.

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику?

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал — не мог найти петуха.

Вечером опять говорит старухе:

— Не нашёл я петуха, придётся нам свинью заколоть!

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашёл.

— Придётся барана зарезать!

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел старик на двор — нет ни барана, ни гуся. Искал, искал — не нашёл.

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придётся, видно, быка зарезать!

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя не знают. Но прошло лето, пришла и зима.

Вот бык пошёл к барану:

— Как же, братцы-товарищи? Время приходит студёное — надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

— У меня шуба тёплая, я и так прозимую.

Пошёл бык к свинье:

— Пойдём, свинья, избу рубить!

— А по мне, хоть какие морозы — я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Пошёл бык к гусю:

— Гусь, пойдём избу рубить!

— Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не проймёт.

Пошёл бык к петуху:

— Давай избу рубить!

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полёживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошёл к быку.

— Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба тёплая, ты и так прозимуешь.

— А коли не пустишь, я разбегусь, вышибу дверь, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пущу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошёл в избу и перед печкой на лавочку лёг.

Немного погодя прибежала свинья:

— Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

— Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А не пустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забежала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньей гусь летит:

— Гагак! Гагак! Бык, пусти меня погреться!

— Нет, гусь, не пущу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься — и так прозимуешь.

— А не пустишь, так я весь мох из стен вытереблю!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашёл гусь в избу и сел на шесток.

Немного погодя прибегает петух:

— Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу.

— Нет, не пущу, зимуй в лесу под елью.

— А не пустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напущу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе — впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдём, — говорят, — в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперёд, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрей, иди ты вперёд.

Волк и пошёл в избушку. Только вошёл — бык рогами его к стене и припёр. Баран разбежался — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съесть волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегает по брусу да кричит:

— А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь, и гужишко[1] здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик — да бежать. А волк рвался, рвался, насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

— Ну, что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в чёрном армячище, да меня ухватом-то к стене и припёр. А поменьше мужичиш-

[1] **Гуж** — петля в упряжи, соединяющая хомут с оглоблей и дугой.

ка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да всё обухом по бокам. А ещё поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегает по брусу да кричит: «А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья ещё кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съесть его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.

ОХОТНИК ДО СКАЗОК

Жил себе старик со старухой, и был старик большой охотник до сказок и всяких россказней. Приходит зимою к старику солдат, просится ночевать.

— Пожалуй, служба, ночуй, — говорит старик, — только с уговором: всю ночь мне рассказывай; ты человек бывалый, много видел, много знаешь.

Солдат согласился.

Поужинали старик с солдатом, и легли они оба на полати рядышком, а старуха села на лавке и стала при лучине прясть.

Долго рассказывал солдат старику про своё житьё-бытьё, где был и что видел.

Рассказывал до полуночи, а потом помолчал немного и спрашивает у старика:

— А что, хозяин, знаешь ли, кто с тобой на полатях лежит?

— Как — кто? — спрашивает хозяин. — Вестимо, солдат.

— Ан нет, не солдат, а волк.

Поглядел мужик на солдата — и точно волк. Испугался старик, а волк ему и говорит:

— Да ты, хозяин, не бойся, погляди на себя, ведь и ты медведь.

Оглянулся на себя мужик — и точно, стал он медведем.

— Слушай, хозяин, — говорит тогда волк, — не приходится нам с тобою на полатях лежать; чего доброго, придут в избу люди, так нам смерти не миновать. Убежим-ка лучше, пока целы.

Вот и побежали волк с медведем в чистое поле. Бегут, а навстречу им хозяинова лошадь. Увидел волк лошадь и говорит:

— Давай съедим!

— Нет, ведь это моя лошадь, — говорит старик.

— Ну так что ж, что твоя, голод не тётка.

Съели они лошадь и бегут дальше, а навстречу им старуха, старикова жена.

Волк опять и говорит:

— Давай старуху съедим.

— Как есть? Да ведь это моя жена! — говорит медведь.

— Какая твоя! — отвечает волк.

Съели и старуху.

Так-то пробегали медведь с волком целое лето. Настаёт зима.

— Давай, — говорит волк, — заляжем в берлогу; ты полезай дальше, а я спереди лягу. Когда найдут нас охотники, то меня первого застрелят, а ты смотри: как меня убьют да начнут шкуру сдирать, выскочи из берлоги да через шкуру мою переметнись — и станешь опять человеком.

Вот лежат медведь с волком в берлоге; набрели на них охотники, застрелили волка и стали с него шкуру снимать.

А медведь как выскочит из берлоги да кувырком через волчью шкуру... и полетел старик с полатей вниз головой.

— Ой, ой! — завопил старый. — Всю спинушку отбил.

Старуха перепугалась и вскочила:

— Что ты? Что с тобой, родимый? Отчего упал? Кажись, и пьян не был!

— Как — отчего? — говорит старик. — Да ты, видно, ничего не знаешь!

И стал старик рассказывать: «Мы-де с солдатом зверьём были — он волком, я медведем; лето целое пробегали, лошадушку нашу съели и тебя, старуха, съели».

Взялась тут старуха за бока и ну хохотать.

— Да вы, — говорит, — оба уже с час на полатях во всю мочь храпите, а я сидела да пряла.

Больно расшибся старик: перестал он с тех пор до полуночи сказки слушать.

СОДЕРЖАНИЕ

Для начальной школы

КОЛЕСО

Русские народные сатирические и забавные сказки

Ответственный редактор *Л. П. Шувалова.* Художественный редактор *Б. А. Дехтерёв.* Технический редактор *И. П. Данилова.* Корректоры *Н. М. Кожемякина* и *Л. М. Короткина.*

Сдано в набор 30/IX 1966 г. Подписано к печати 20/XII 1966 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л 6. Усл. печ. л. 5,6. (Уч.-изд. л. 4,11). Тираж 400 000 (200 001—400 000) экз. ТП 1967 № 142. Цена 24 коп. на бум. № 2 Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 5068.

Цена 24 коп.